

Звонок от Фан Лэмина раздался ровно через неделю.

Вэнь Бай только-только возжёт благовония перед духом картины, как запел телефон.

Первой же фразой Лэмин буквально выстрелил в трубку:

— Сяо Бай, ты опять в трендах?! Да ещё и сразу по трём поводам?!

Напор был настолько диким, что Вэнь Бай даже не сразу понял, оглашает тот факт или с пристрастием допрашивает.

— В каком смысле? — переспросил Вэнь Бай.

— Ты что, вообще в Вэйбо не заглядываешь, святые угодники! — окончательно переполошился Фан Лэмин. — Журналисты уже у ворот нашего университета дежурят!

— Журналисты?

— Ну да! Кабы они пооперативнее соображали, давно бы к твоему дому подкатали!

С тех пор как новости о выигрыше в лотерею всколыхнули интернет, Вэнь Бай почти не открывал приложение. Социальными сетями он и в обычные дни пользовался редко, а после розыгрыша личные сообщения завалило сотнями писем. Чтобы не тратить попусту нервы, он просто отключил все уведомления.

Теперь же пришлось сбросить звонок и заглянуть в ленту новостей.

Бегло пролистав заголовки, Вэнь Бай наконец понял, что имелось в виду под фразой «сразу по трём поводам».

А причиной всему стала картина «Рисунок ребёнка, ведущего быка».

История тянулась ещё с прошлой недели, когда Вэнь Бай нанёс визит Чжэн Бочану. Для удобства он представился учеником профессора Ли, но раскрывать посторонним свою работу в Преисподней не мог. Поэтому, уладив дело с изгнанием нечисти, он отправил Чжэн Бочану короткое сообщение с просьбой не распространяться об изгнании злых духов.

Чжэн Бочан, знакомый с правилами этой сферы, заверил, что будет держать язык за зубами.

Однако история с пропажей картины наделала слишком много шума в высших кругах Наньчэна, тем более что хозяйство Чжэн Бочана успело разослать немало приглашений. И

хотя сам коллекционер молчал, слухи о том, что «полотно нашлось», всё равно просочились наружу.

В какой-то момент цепочка испорченного телефона дала сбой: «картину нашли» превратилось в «картина и не пропадала», а затем и вовсе в «картину кому-то подарили».

Парадоксально, но сплетники попали в самое яблоко.

Когда расспросы стали слишком назойливыми, а слухи — совсем нелепыми, Чжэн Бочан сдался и подтвердил: да, полотно действительно теряли, и да, его в итоге подарили. Правда, имя нового владельца назвать отказался, ограничившись лишь загадочным: «Его получил истинный мастер, тонко понимающий искусство».

Среди коллекционеров Чжэн Бочан пользовался непререкаемым авторитетом, и его слова вызвали настоящую бурю. Подарки в виде шедевров живописи в их среде не были чем-то невиданным — ради красивого жеста или глубокого уважения знатоки могли расстаться со знаковой вещью. Но отдать произведение стоимостью в миллионы юаней! Тот, кому предназначался такой дар, обязан был быть величиной первой величины. К тому же Чжэн Бочан выглядел довольным и отдохнувшим, совершенно не жалея об утрате. Градус любопытства к загадочному «мастеру» подскочил до предела.

Когда господин Чжэн пересказывал это Вэнь Баю, тот лишь кивал, слишком занятый заботами о духе картины.

Лу Чжэн дал ему три палочки так называемых «Благовоний простолюдинов», не уточняя, где их взял, и велел зажигать по одной в неделю. Трёх палочек хватало, чтобы поддерживать духа в течение целых ста дней.

Едва Вэнь Бай испробовал это средство, дух картины, давно не пробовавший ритуального дыма, с непривычки наелся до отвала. Не зная, куда девать избыток духовной силы, дух вспыхнул белым светом и в мгновение ока затянул Вэнь Бая внутрь полотна.

К подобным выходкам Вэнь Бай уже успел привыкнуть, поэтому без лишних слов отправил Маленького лotosового фонаря побегать с мальчиком-пастухом.

Дух картины, распробовав угощение, стал время от времени увлакивать Вэнь Бая к себе «на беседу». И за этими разговорами внезапно всплыли любопытные подробности.

Дух поведал, что Старец из полуразрушенной хижины — мастер Чжу Фу — не ставил подпись на своих работах вовсе не из лени. Он опускал её лишь тогда, когда оставался недоволен результатом. Если же картина выходила безупречной, мастер оставлял на ней скрытую подпись — инькуань.

Помимо «Ребёнка, ведущего быка», подобные тайные знаки имелись ещё на двух полотнах: «Рисунке весенних забав» и «Рисунке ребёнка на рыбалке».

Опасаясь, что Вэнь Бай не поверит, дух соткал несколько призрачных иллюзий и развернул их перед ним.

— Кажется, у господина Чжу Фу было весьма специфическое представление о том, что значит «скрытая подпись», — резюмировал Вэнь Бай.

Неудивительно, что искусствоведы веками бились над этой загадкой. Вэнь Бай всматривался в указанные места добрых полчаса, прежде чем сумел хоть что-то разглядеть.

Дух картины просиял от гордости:

— Мастер всегда отличался изысканным чувством юмора.

Вэнь Бай невольно улыбнулся. Юмора автору действительно было не занимать: замаскировать подпись с таким изяществом требовало немалых усилий.

Посоветовавшись с духом, Вэнь Бай решил передать эту информацию профессору Ли. Во-первых, в научных кругах вокруг наследия Чжу Фу велись непрерывные споры из-за скудости источников, и эта зацепка могла пролить свет на его творчество. Во-вторых, это исполнило бы заветное желание самого духа.

Впрочем, сам Вэнь Бай не был профессиональным исследователем, и подобное «открытие» с его стороны выглядело бы странно. Поразмыслив, он отправил профессору анонимное письмо.

Поскольку «Ребёнок, ведущий быка» находился у него на руках, а дух ещё не полностью восстановил силы, Вэнь Бай решил не рисковать и исключил эту картину из сообщения, оставив только «Весенние забавы» и «Рыбалку». В письме он не утверждал ничего наверняка, лишь скромно указал, что заметил на двух полотнах идентичные, странные узоры, и попросил профессора прояснить их природу.

Вэнь Бай не сомневался: опыта Ли Сяна хватит, чтобы мгновенно распознать правду.

И действительно, уже через два дня пришёл ответ. А вскоре профессор Ли официально объявил об открытии.

По совпадению, это событие совпало с открытием Национального фестиваля каллиграфии и живописи. Официальные структуры решили использовать новость о наследии Чжу Фу для популяризации искусства среди молодёжи. Вспыхнула кампания в прессе, и официальные аккаунты единодушно вывели имя «профессора Ли Сяна из Университета Наньчэна» в топ новостей.

А вот появление имени Вэнь Бая стало для всех полной неожиданностью.

Когда общественность уже приписала всю заслугу заслуженному учёному, Ли Сян во время интервью в прямом эфире лишь мягко улыбнулся:

— Официально открытие сформулировал я. Но первым эти детали заметил мой ученик.

Фраза «мой ученик» заставила поперхнуться не только интервьюера, но и всю съёмочную группу.

Всем было известно, что профессор Ли Сян — один из ведущих специалистов по древней живописи и признанный текстолог. По творчеству Чжу Фу он написал свыше десятка монографий, а фрагменты его трудов вошли в школьные учебники. Поэтому его очередная находка казалась вполне закономерной. И вдруг — «первым был ученик»!

Чуя сенсацию, журналисты тут же въелись в эту тему.

Так имя Вэнь Бая оказалось на первых строчках новостных лент.

А затем пользователи с изумлением осознали: этот парень им уже знаком!

Снова Университет Наньчэна, снова Вэнь Бай.

История с лотерейным выигрышем, едва успевшая улечься, вспыхнула с новой силой. Имя «Вэнь Бай» сработало как мощнейший катализатор: оно не просто возглавило списки трендов, но и утянуло за собой ещё три смежные темы.

Комментарии под публикациями буквально раскалились от сообщений:

«Вэнь Бай: Если ты не изучаешь древнекитайскую живопись, то какой из тебя главный отличник финансового факультета?»

«Он точно человек? У меня ощущение, что у него три мозга вместо одного».

«Вы читали репортаж? Профессор Ли упомянул, что наш "неравнодушный студент" прислал анонимное письмо, но его с головой выдал чересчур узнаваемый стиль отчёта! Я прямо вижу это выражение лица, когда его рассекретили!»

«Вэнь Бай: "Вот черт.jpg"».

«Мало того что первыми мозгами на факультете обладает, так ещё и внешность как у айдола! А

вдобавок к этому — невероятное везение. Господи, за что?!»

«Список новостей, которые нельзя показывать моей маме, снова пополнился...»

.....

Взглянув на зашкаливающий счётчик уведомлений, показывающий «999+», Вэнь Бай замер, а затем осторожно кликнул на иконку сообщений.

Спустя пару секунд он одёрнул руку и закрыл приложение.

Лучше бы он туда не заглядывал. Наплыв писем, где его величали «мастером Вэнь» и присылали фотографии бабушкиных сервизов с вопросом «а это не антиквариат?», поверг его в тихий шок.

После звонка Фан Лэмина телефон Вэнь Бая не замолкал ни на минуту. Ему даже позвонили деканы сразу двух факультетов — гуманитарного и финансового.

Вежливо заверив руководство, что его заслуги тут нет — мол, просто заметил странность на репродукциях и обратился к профессору, а вся исследовательская работа принадлежит Ли Сяну, — Вэнь Бай отказался от интервью и без сил опустился на диван.

Едва он закрыл глаза, как в прихожей раздалась трель дверного звонка.

Слова Фан Лэмина о том, что журналисты могут прийти прямо к квартире, всё ещё звучали в ушах, и Вэнь Бай замер, решая не подавать признаков жизни.

Но тут из-за двери донёсся знакомый голос:

— Сяо Бай, ты дома?

Вэнь Бай вздохнул и пошёл открывать.

Однако, отворив дверь и увидав фигуру за спиной Чжоу Вэя, он невольно застыл.

—...Даос Линь?

Линь Цю сделал шаг вперёд и отвесил чинный, глубокий поклон:

— Бессмертный Вэнь.

Вэнь Бай не успел ничего ответить, как у Чжоу Вэя вытянулось лицо:

— Бессмертный Вэнь?!

Он ошарашенно перевёл взгляд на молодого даоса:

— Ты это про Сяо Бая, что ли?

Линь Цю серьёзно кивнул.

Чжоу Вэй насупился ещё сильнее и прошептал на ухо другу:

— Сяо Бай... Ты что, помимо Преисподней, ещё и в даосском храме подрабатываешь?! Работаете на два фронта — и для Инь, и для Яна?!

Вэнь Бай слегка дал ему по лбу:

— О чём ты вообще думаешь?

— А почему тогда даос Линь зовёт тебя "Бессмертным"? Каким боком ты связан с храмом Чжэньтянь?

— Я бы сам хотел у тебя это спросить, — парировал Вэнь Бай.

Смысла держать гостей на пороге не было, и он отступил в сторону:

— Входите в дом.

Едва переступив порог, Чжоу Вэй уловил знакомый тонкий аромат, витающий в воздухе. Он пошёл на запах, и Вэнь Бай только сейчас вспомнил: картина всё ещё висела у окна!

Спустя секунду прихожую огласил отчаянный вопль Чжоу Вэя:

— Бык! Это же та самая картина с быком! Откуда она у тебя?!

Он выбежал обратно в коридор:

— Так значит, семья Чжэн действительно подарила её тебе?!

Вэнь Бай попытался сохранить невозмутимое выражение лица:

— Нет. Это подделка. Копия.

Чжоу Вэй: «...»

Линь Цю: «...»

Дух картины: «...» (чуть не лопнул от обиды).

Вэнь Бай вздохнул, признавая поражение:

— Осторожнее с ней, руками не трогай.

Чжоу Вэй отдёргнул пальцы и, присмотревшись к курящейся на столе палочке благовоний, потянулся носом:

— Постой... Этот запах мне точно знаком.

Он хлопнул в ладоши:

— Точно! Этим дымом дедушка окуривал меня, когда я в детстве испугался нечисти!

Линь Цю произнёс:

— Благовония простолюдинов.

Оба — и Вэнь Бай, и Чжоу Вэй — резко обернулись к нему. Чжоу Вэй — потому что понятия не имел, о чём речь, а Вэнь Бай — удивившись осведомлённости юноши.

Линь Цю слегка смутился:

— Я только что из храма Городского бога.

— Даос Линь, ты перед тем, как прийти ко мне, ходил к Чэнхуану? — удивлённо спросил Чжоу Вэй.

Линь Цю на мгновение растерялся, не понимая вопроса, но Вэнь Бай перебил его:

— Эти благовония есть только в храме Городского бога?

Сделав шаг в сторону и загородив Линь Цю от Чжоу Вэя, Вэнь Бай понизил голос:

— Ты знаешь про Чэнхуана?

Линь Цю кивнул.

— Чжоу Вэй пока не в курсе, — предупредил Вэнь Бай.

Даос мгновенно всё понял. Повернувшись к Вэнь Баю, он пояснил:

— Да, такие благовония изготавливают только там. Это не обычные курительные палочки для молящихся, а особые предписанные благовония, используемые Земными чиновниками для обращения к Высшим сферам или Преисподней. Они также обладают свойством успокаивать дух и удерживать душу.

Теперь Вэнь Баю всё стало ясно. Хотя благовония и относились к храму Чэнхуана, в конечном счёте их нити вели к Лу Чжэну.

— Так как вы двое оказались вместе? — перевёл он тему.

— Храм Чжэньтянь — давний клиент нашей мастерской, — объяснил Чжоу Вэй. Замявшись на мгновение, он взглянул на Линь Цю: — Даос Линь, ты только не обижайся, но мне правда любопытно: почему ваши почтенные даосы раз в пару месяцев стабильно заглядывают в гробовую лавку? На вид вы вроде все здоровые, жить должны долго...

Вэнь Бай и Линь Цю, знавшие подлинную причину, хранили молчание.

Вэнь Бай слегка подтолкнул друга:

— Не отвлекайся.

Линь Цю пояснил:

— Настоятель направил меня навестить дедушку Чжоу. По дороге я случайно встретил юного мирянина Чжоу.

Говорил Линь Цю неторопливо, с подчёркнуто книжными интонациями, присущими людям духовного звания. Чжоу Вэй не выдержал и подхватил:

— Когда даос Линь пришёл к дедушке, я как раз был дома. Увидев новости про тебя, я попытался дозвониться, но линия была занята, и я набрал Вэнь Бая. Даос Линь услышал твоё имя — и тут его словно подменили!

Чжоу Вэй до сих пор помнил выражение лица юноши в тот момент.

Он видел Линь Цю не единожды: тот был моложе него, но держался невероятно солидно, с вечным выражением полного равнодушия к мирским страстям. Дедушка Чжоу постоянно ставил юного даоса в пример внуку, призывая учиться у того отрешённости и благочестию. Чжоу Вэй лишь отнекивался: мол, он ремесленник, делающий гробы, а не отшельник, и ему нужно зарабатывать на жизнь. Он искренне верил, что Линь Цю давно преодолел земные привязанности.

И каково же было его изумление, когда при упоминании имени «Вэнь Бай» отрешённый даос споткнулся на ровном месте! А подняв голову, уставился на Чжоу Вэя таким горящим взглядом, что тот от неожиданности даже забыл помочь ему подняться. Похоже, Чжоу Вэй впервые увидел в нём обычного живого юношу.

Поднявшись и чинно переведя дыхание, Линь Цю отвесил глубокий поклон, чем окончательно напугал Чжоу Вэя. Поняв, что дело серьёзное, тот без лишних слов привёл его сюда.

Линь Цю немного смутился:

— Я не сразу понял, что "Вэнь Бай", о котором говорил мирянин Чжоу — это вы. И лишь случайно взглянув на контакт в его телефоне, убедился в этом.

Поняв суть происходящего, Вэнь Бай налил гостю воды:

— У тебя ко мне какое-то дело?

Линь Цю опустил взгляд, бездумно поглаживая пальцами край стакана.

Чжоу Вэй и Вэнь Бай переглянулись.

После короткой паузы Линь Цю тихо поднял глаза:

— Бессмертный Вэнь... Нефритовый флакон-тыква у вас на поясе — ведь это сосуд для духов? Вы тоже держите мелкого призрака?

Вэнь Бай не ответил сразу, хотя чувствовал, что разговор зайдёт именно об этом. Вместо ответа он зацепился за одно слово:

— "Тоже"?

Линь Цю кивнул, не отводя взгляда от нефрита.

— Ты видишь его? — спросил Вэнь Бай.

Даос качнул головой:

— Скорее чувствую.

Вэнь Бай вспомнил слова Лу Чжэна: чувства этого юноши действительно были необычайно обострены.

— Можешь не искать, сейчас его там нет, — мягко проговорил Вэнь Бай. И, прежде чем собеседник успел что-то сказать, добавил: — И это не призрак.

Линь Цю на мгновение застыл:

— А кто же?

— Это Маленький босс, — ответил Вэнь Бай с легкой улыбкой. — Духовный предмет Лу Чжэна. Он наделил его разумом и держит подле себя уже много лет.

Линь Цю наконец уловил суть. От Чжэн Лу он уже слышал, что Вэнь Бай не называет господина Лу «даосом», а величает его «боссом».

— Так что ты имел в виду под словом «тоже»? — спокойным тоном переспросил Вэнь Бай. — Кто-то держит призрака?

Линь Цю качнул головой:

— Не я. — Он сделал глубокий вдох. — Мой младший дядя по учителю.

Чжоу Вэй легонько толкнул Вэнь Бая локтём. Хотя он сам только что узнал про существование духа во флаконе, сомнений в действиях Лу Чжэна у него не возникало. Но слово «призрак» из уст Линь Цю звучало совсем иначе, навевая не самые приятные мысли.

— Что-то мне от этих речей не по себе, — понизив голос, шепнул Чжоу Вэй.

Вэнь Бай не ответил, лишь внимательно смотря на даоса.

Линь Цю нервно сжал пальцы, глубоко нахмурившись:

— Бессмертный Вэнь, могу я спросить... Вы знаете, зачем господин Лу держит этого духа?

Вэнь Бай на мгновение растерялся. Об этом он как-то не задумывался. Для сущностей с бесконечной жизнью подобное создание было скорее спутником, скрашивающим вековое одиночество.

— Почему ты спрашиваешь?

Линь Цю опустил стакан и тяжело вздохнул:

— Потому что мой дядя держит духа совсем с иной, нечистой целью.

Чжоу Вэй вздрогнул. Любой, кто соприкасался с миром ритуалов, знал: попытки подчинить нечисть без должной чистоты помыслов неизбежно ведут к отплате.

— Зачем он его держит? Для наживы? Или чтобы вредить людям?

Линь Цю качнул головой:

— Нет. Он держит его... чтобы пожирать его силу.

— Пять лет назад наш храм получил просьбу от настоятеля монастыря Цзэе, — начал рассказывать Линь Цю. — Нужно было изгнать водяного гуля в одной глухой деревне. Деревушка совсем небольшая, сотенка жителей, затеряна в горах, связи с внешним миром почти нет. Но место там удивительное: ландшафт богатый, земные жилы сильные, настоящая благодатная обитель. В таком месте даже сильный злой дух быстро лишился бы сил под давлением здешней энергетики. Мой учитель рассчитал, что дух затаился на юго-востоке и уже совсем ослаб, поэтому отправил туда моего младшего дядю.

— Постой, — перебил Чжоу Вэй. — Твоего дядю? То есть ровесника твоего учителя?

— Да.

— Но если дух был совсем слабым, зачем отправлять старшего даоса? Разве нельзя было послать кого-то из младших учеников?

Линь Цю запнулся, а затем тихо произнёс:

— Стыдно признаться... Мой дядя хоть и старше по чину, но... обделён истинным даосским корнем.

Он не стал говорить прямо, но Вэнь Бай и Чжоу Вэй всё поняли: у дяди Линь Цю было высокое положение, но никудышный талант к самосовершенствованию.

— Его ведь зовут не Сюаньдэ, верно? — меняясь в лице, спросил Чжоу Вэй.

— Ты знаком с моим дядей? — удивился Линь Цю.

Вэнь Бай тоже бросил на друга вопросительный взгляд.

Чжоу Вэй неловко усмехнулся и наклонился к уху Вэнь Бая:

— Пересекались лет десять назад. Тогда в храме Чжэньтянь как раз выбирали нового настоятеля. Старый настоятель склонялся к Сюаньцзи — учителю Линь Цю. А этот Сюаньдэ, видать, сам метил на его место. К настоятелю он идти не посмел, зато припёрся к моему деду, прося о какой-то услуге. Дед ему отказал. Сюаньдэ тогда так разразился гневом, что я, играя во дворе, перепугался до смерти. Дед посмотрел ему вслед, покачал головой и сказал: "Из этого человека толку не будет". Это воспоминание мне крепко въелось в память. С тех пор я о Сюаньдэ ничего не слышал. Думал, он давно вернулся к мирской жизни.

Поняв контекст, Вэнь Бай кивнул.

Линь Цю продолжал:

— Настоятель отправлял его туда, надеясь, что доброе дело принесёт ему кармическую добродетель и поможет в обучении. Но никто не ожидал, что вместо благодеяния дядя навлечёт на себя тяжкий грех.

— Грех? — нахмурился Вэнь Бай.

— Он что, сграбастал деревенского ребёнка, чтобы сотворить из него призрака-слугу?! — ахнул Чжоу Вэй.

— Нет-нет! — всплеснул руками Линь Цю. — Но духа он действительно увёл из той деревни.

— Постой, ты же сам сказал, что в том месте сильная земная энергетика, и обычная нечисть там и дня не выдержит! Откуда там взяться духу? — не унимался Чжоу Вэй.

— Потому что это не просто нечисть, — тихо ответил Линь Цю. — Это естество, рождённое

самой природой той земли.

Даже не будучи знатоками даосизма, Вэнь Бай и Чжоу Вэй прекрасно понимали, что означают слова «рождённое природой».

— И мой дядя... украл его, — закончил Линь Цю.

Чжоу Вэй онемел. Спустя долгую паузу он выдавил:

— Ну и ну. Одно такое создание, рождённое природой, в своё время разгромило Небесный дворец и перевернуло печь Лао-цзы, после чего его на пятьсот лет прижали горой!

Вэнь Бай: «...»

Линь Цю: «...»

— Ну и дерзость у твоего дяди, — резюмировал Чжоу Вэй.

Вэнь Бай поразмыслил и произнёс:

— Наверняка этим всё не закончилось?

Если бы дело ограничилось кражей духа, Линь Цю не стал бы искать помощи у человека, за которым стоит сам Владыка Лу. Линь Цю обладал тонким чутьём и, вероятнее всего, ещё во время их первой встречи у Чжэн Бочана понял, с кем имеет дело. Он пришёл за помощью, потому что сам храм Чжэньтянь не мог справиться с ситуацией.

Заметив внимание собеседников, Линь Цю выпрямился:

— Да. О том, что дядя увёл то создание, мы узнали только через три года. Нас отправили на изгнание сильного демона, и всё пошло не по плану. Тварь заготовила ловушку. Кроме меня и дяди, никто ничего не заметил. Я почувствовал смерть, но сил не хватало. Тогда дядя вмешался и одним ударом разнёс демона в прах.

— Поскольку дядя последние годы сидел в затворничестве, мы решили, что он достиг успехов в обучении, и не заподозрили нелада. Младшие ученики даже стали захваливать его перед настоятелем. Но учитель вызвал меня к себе и заставил пересказать всё до мельчайшей детали. А проверив дядю лично, понял: его духовному развитию исполнилась полная сотня лет!

Чжоу Вэй поперхнулся водой:

— Сотня лет?!

Внезапный взлёт духовных сил, да ещё в сочетании со словами о «пожирании духа»...

— Только не говори, что эту сотню лет он просто высосал из украденного существа!

Линь Цю опустил взгляд и кивнул.

Присутствующие погрузились в тяжёлое молчание.

— Сила дяди росла слишком быстро, — продолжал Линь Цю. — Учитель заметил, что его духовная энергия нестабильна. Он не мог её контролировать. В тот день он мог просто пленить демона, ведь тот не успел навредить людям, а уничтожение духа лишь повредило карме. Но дядя просто не удержал силу. Из-за этого он и сидел в затворничестве три года.

— Когда учитель прижал его к стене, дядя сознался: он привёл из той деревни существо, чья природа идеально совпадала с его собственной. Он лишь заимствовал его силу для медитаций и якобы не причинял ему вреда — сущность оставалась жива. Слова звучали правдоподобно, но учитель решил проверить его и заманил в ритуальный круг, чтобы составить предсказание.

— И что вышло? — спросил Чжоу Вэй.

— На нём действительно не было греха пролитой крови.

Вэнь Бай нахмурился:

— И на том существе тоже? Оно действительно оставалось невредимым?

— Да, — кивнул Линь Цю.

— Но ты же сказал, что он пожирал его силу! Как можно высасывать существо и не причинять вреда?! — усомнился Чжоу Вэй.

— О природе того создания трудно судить обычными мерилami, — покачал головой Линь Цю. — Оно связано с дядей узами духовной силы, поэтому расклад показал, что оно живо. Но из-за этой связи судьба самого дяди исказилась. Греха пролитой крови на нём не было, зато давний грех —, скверна духовного долга — оказался бездонным. Учитель не смог разгадать этот противоречивый расклад и решил лично отправиться в ту деревню.

Атмосфера в комнате заметно сгустилась.

— С деревней что-то случилось? — тихо спросил Вэнь Бай.

Линь Цю кивнул:

— Когда учитель прибыл туда, от прежнего благодатного места ничего не осталось. Земная энергия иссякла, водные жилы пересохли. Вся деревня выживала лишь за счёт пары глубоких колодцев.

Чжоу Вэй сглотнул слюну:

— Это из-за того духа?

— Судя по всему, да. Разрушение водных жил началось как раз тогда, когда дядя увёл его.

Для изолированной горной деревни утрата земли и воды была равносильна медленной гибели.

— Ничего человеческого в нём не осталось, — процедил Чжоу Вэй, вовремя осекшись, чтобы не называть Сюаньдэ «дядей». — Назвать его даосом — значит оскорбить учение.

Вэнь Бай оставался мрачным. «Три года назад», о которых говорил Линь Цю, относились к моменту обнаружения проступка. То есть с тех пор прошло ещё два года.

— Что было дальше? — спросил Вэнь Бай.

Линь Цю продолжал:

— Учитель сразу понял, что то создание являлось ключевым узлом — истинным «очком жилы», удерживающим баланс всей местности. Он потребовал от дяди ответа, понимал ли тот, что сделал. Дядя поклялся, что не знал о значении духа для деревни и с тех пор там не появлялся. Учитель, осознав опасность, лично заставил его вернуть существо на место.

— И он просто так согласился? — усомнился Чжоу Вэй. — Человек, посягнувший на такое, послушался бы настоятеля?

— Он отнёс его обратно, — вздохнул Линь Цю. — Вскоре водные жилы деревни начали восстанавливаться. Дядя сделал это не из уважения к учителю. Он испугался. Одно дело — увести духа для личной силы, и совсем другое — навлечь на себя гибель целого поселения. Такой грех сокрушил бы его при первой же небесной каре. Он просто испугался смерти.

— Если всё восстановилось, почему ты пришёл сейчас? — спросил Вэнь Бай.

Линь Цю допил воду из стакана, его взгляд выражал глубокую усталость:

— За последние два месяца водные жилы той деревни снова начали сохнуть.

— Вы подозреваете Сюаньдэ?

— Вернув духа, дядя вскоре исчез, — ответил Линь Цю. — Почти два года всё было спокойно. Но кроме него никто не знал, где именно находилось то создание. Учитель почти уверен, что это его рук дело. За два года страх перед карой утих, а жажда силы вернулась.

Чжоу Вэй не выдержал:

— Но что это за «дух» такой, если он способен управлять водными жилами и земными пластами?! Разве это может быть обычный призрак?

Вэнь Бай взглянул на Линь Цю:

— Настоятель пробовал гадать снова?

— Расклад не дал ответа, — тихо произнёс Линь Цю. — И... честно говоря, мы называли его «мелким призраком» только потому, что с силой моего дяди он просто не смог бы подчинить себе истинное божество или древнего духа.

Вэнь Бай и Чжоу Вэй молча переглянулись. Логика в этом действительно присутствовала.

Линь Цю встал и глубоко поклонился:

— Бессмертный Вэнь, есть ещё кое-что. В тот день учитель направил меня к Чжэн Лу не случайно. Он сказал, что переломный момент всей этой истории связан с той самой картиной.

Вэнь Бай наконец понял, почему Линь Цю, обладавший редким духовным чутьём, держался в тени других даосов. Настоятель отправил его искать не картину, а человека, который её принесёт.

Раз дело касалось целой деревни и бедного духа, становиться в стороне Вэнь Бай не собирался.

Он медленно поднялся с дивана:

— Я пойду к Лу Чжэну.

<http://bllate.org/book/20643/2146530>